

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 811.161.1

КОНЦЕПТ «ЧЕЛОВЕК» В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО

Э.А. Балалыкина, Д.С. Егоров

Аннотация

В данной статье предлагается описание концепта «человек» в поэзии Бродского. Предпринята попытка определения специфики функционирования и репрезентации концепта в идиостиле. Особое внимание уделяется определению границ концептуальной области «человек», поскольку категория антропоцентричности слишком обширна и требует выделения аспектов и ракурса исследования. Описание проводится на основании выделения групп репрезентатов, их сочетаемости с предикатами и связи концепта «человек» с другими концептами и тематическими областями в рамках идиостиля И. Бродского.

Как известно, культурное самосознание нации складывается как результат сложного взаимодействия когнитивной деятельности отдельных ее членов. В этом смысле трудно переоценить роль большого поэта или писателя, художника слова, в процессе формирования культурных ценностей. Когнитивная лингвистика и теория концепта дают довольно богатые возможности для описания концепта в идиостиле, объективации структур индивидуального сознания, деятельность которого оказывает огромное влияние на культуру.

В последнее время понятие «концепт» становится все более актуальным в науке о языке. Это понятие развилось в рамках когнитивного направления в лингвистике и содержит как ряд очевидных преимуществ для науки, так и ряд определенных проблем, связанных, в первую очередь, с определением сущности и структуры этого явления, а также с вопросами его применения на практике для анализа различных языковых фактов. Основная сложность, являющаяся причиной наличия столь многочисленных и часто взаимоисключающих подходов, объясняется весьма значимой спецификой этого явления: концепт — это, прежде всего, ментальная, многоаспектная сущность, не имеющая четкой материальной выраженности, в отличие, например, от языкового значения. Между тем когнитивная лингвистика, в методологии которой концепт занимает ключевое место, содержит ряд неоспоримых преимуществ: методика концептуального анализа позволяет анализировать языковые факты, опираясь на когнитивную деятельность человеческого сознания. При этом именно язык предоставляет самый верный и результативный доступ к человеческому сознанию,

давая тем самым богатые возможности для реконструкции и моделирования последнего в лингвистических целях.

В современной лингвистической литературе существует множество определений концепта. Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [1, с. 40]. По определению А. Вежбицкой, концепт – это объект из мира идеального, имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире действительности [2].

Между тем исследователю, реконструирующему какой-либо концепт, тем более если речь идет об идиостиле, ограничиваться этими определениями нельзя. Нужно учитывать тот факт, что в разработке теории концепта четко выделяются две линии: лингвокогнитологическая и лингвокультурологическая [3]. Определение Ю.С. Степанова отражает сущность лингвокультурологического подхода, в соответствии с которым концепт – это, прежде всего, единица культуры и составляющая коллективного сознания. Современная когнитология понимает концепт, прежде всего, как единицу индивидуального сознания. Концепт – это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [4, с. 93–96].

Занимаясь типологией вербализации структур сознания, лингвокогнитология признает наличие и невербализованных смыслов. Стремясь в своих исследованиях к жесткой типологичности и структурируемости моделируемых объектов, лингвокогнитологи столкнулись с проблемой описания и моделирования многокомпонентных ментальных объектов, обозначаемых абстрактными именами: «долг», «порядочность», «совесть», «свобода» и др. При этом часть информации имеет «вербальную привязку», а часть кодируется в сознании единицами иного уровня: образами, схемами. Лингвокультурологический и лингвокогнитологический подходы при некоторых различиях в методиках концептуального анализа так или иначе коррелируют друг с другом. Так, согласно лингвокультурологическому подходу, концепт, помимо понятийной, имеет еще и образную и оценочную составляющие.

Совершенно очевидно, что исследование концепта в идиостиле того или иного поэта должно проводиться с учетом основных положений как лингвокультурологического, так и лингвокогнитологического подходов. В идиостиле писателя опора на общекультурный концепт, отсылка и сопоставление с его элементами играет очень важную роль. Поскольку каждый писатель осознает свою деятельность как значимую для процесса создания культурных ценностей, он как бы ведет диалог с пространством национальной культуры. Однако надобность в этимологическом анализе, который является важной составляющей лингвокультурологической методики, отпадает. Напротив, особую значимость приобретает тезис о психической сущности концепта, содержащего информацию различной степени абстрактности и формируемого в соответствии с индивидуальными особенностями психики носителя языка. Важным становится исследование концепта как единицы сознания, поскольку объектом исследо-

вания является продукт индивидуального сознания, чей процесс включения в культурное пространство особенно яркое и значительное. В связи с этим особая роль принадлежит анализу метафорических моделей и отдельных тропов, представленных в тексте, поскольку здесь отражается та самая невербальная, образная часть концепта, которая в сознании представлена единицами универсального предметного кода.

Таким образом, можно сказать, что концепт – ментальная сущность, которая отражает всю совокупность представлений (мыслей, образов, чувств) носителя языка о какой-либо реалии внешней действительности или феномене культуры. Одной из важнейших причин формирования концепта является значимость той или иной реалии или идеи для носителя языка или для общества в целом, что и отражается в художественном тексте.

Концепт является, в свою очередь, единицей концептуальной картины мира, которая значительно шире языковой и в качестве репрезентирующих возможностей использует языковую систему во всей полноте ее уровней. Языковая и концептуальная картины мира тесно связаны [5]. Элементы концептуальной картины отражаются и фиксируются в языковой, являясь причиной формирования языковых значений. Концептуальная картина мира гораздо полнее отражает действительность, однако выразить она себя способна только через языковую. Особую важность в такой ситуации имеют отклонение от нормы и индивидуальные особенности дискурса, поскольку, только реформируя четкую и фиксированную систему языковых средств, индивидуальное сознание способно запечатлеть себя.

При описании концепта «человек» в идиостиле Иосифа Александровича Бродского необходимо обратить внимание на описание позиций человека применительно к различным областям внешнего мира (государству, пространству, судьбе и др.). В сборниках стихов И. Бродского «Урания» и «Часть речи» [6, 7] творческая философия поэта представлена в наиболее зрелой стадии своего развития и отражает существенные черты и признаки всей художественной системы И. Бродского в наиболее ярких и характерных ее проявлениях.

Как известно, категория антропоцентричности занимает основное место среди факторов организации семантического пространства языка художественного текста. В связи с этим можно разделить всю семантическую область «человек» в поэзии И. Бродского на три сферы: а) человек – лирический герой; б) человек – не лирический герой; в) обобщенное представление о человеке.

Выделение последней группы обусловлено наличием в поэзии Бродского ряда метафор-тождеств (типа А есть В) и метафор, субъект сравнения которых выражен непосредственно лексемой «человек»:

- человек выживает, как *фиш на песке*;
- человек размышляет о собственной жизни, как *ночь о лампе*;
- *слезой скулу серебра*, человек есть конец самого себя и вдается во время;
- человек превращается в *шорох пера по бумаге* [6, 7].

Есть все основания для своеобразного объединения человека как лирического героя и обобщенного представления о человеке, так как характеристики, которые выражены группой метафор с участием лексемы «человек» в стихах И. Бродского, относятся прежде всего к лирическому герою, характеризуют

нормы его поведения и служат своеобразным критерием истинности декларативных утверждений, представленных в текстологически выделенном контексте, слабо связанном с предшествующими контекстами, что делает их позицию акцентологически выраженной. Вот почему описание концепта «человек» необходимо сосредоточить на образе лирического героя, его самопрезентации, представить его отношения и связи с другими концептами и тематическими областями, поскольку концепция человека с достаточной степенью полноты отражается в категории лирического героя, так как любая художественная система – это прежде всего индивидуальная для данной системы концепция человека. Как известно, поэтический язык антропоцентричен в принципе, и в художественном тексте категория антропоцентричности является доминирующей.

Общая схема, по которой можно провести описание концепта «человек» в поэзии Иосифа Бродского, включает в себя:

- определение тематической отнесенности концепта, его семантического объема и границ;
- определение круга репрезентатов на основе тематической отнесенности;
- анализ круга репрезентатов и их интерпретация в аспекте значимости для рассматриваемой концептосферы;
- тематическая соотнесенность и интерпретация способов репрезентации концепта «человек» по отношению к тем или иным тематическим областям;
- анализ и интерпретация тропов, где субъектами являются репрезентаты рассматриваемого концепта.

В качестве критерия реконструкции концепта «человек» в поэзии И. Бродского можно использовать представление об общеязыковом концепте «человек», как он описывается, структурируется и понимается Ю.Д. Апресяном [8]. Как известно, Ю.Д. Апресян предложил многоаспектное описание концепта «человек», акцентируя внимание на том, что «человек мыслится в русской языковой картине мира прежде всего как динамичное, деятельное существо». Имея в виду основные положения об общеязыковом концепте «человек», можно обозначить круг репрезентатов, которые в текстах И. Бродского обозначают человека – лирического героя и его состояние:

1. местоимения первого и второго лица единственного или множественного числа;
2. глаголы в форме настоящего времени второго лица единственного числа (*спишь, видишь* и др.);
3. лексико-семантическая группа, включающая названия органов и частей тела, в пределах которой также можно выделить несколько подгрупп:
 - а) органы восприятия: *глаз, ухо, зрачок, хрусталик, кожа* и др.;
 - б) внутренние органы, необходимые для жизнедеятельности организма: *мозг, разум, сердце, кровь, вена* и др.;
 - в) части тела: *рука, нога, голова, палец* и др. и собственно *тело*;
 - г) лексемы, являющиеся результатом метафорического переноса и, как правило, стоящие в позиции уточнения при местоимении первого лица единственного числа.

Способ репрезентации концепта с помощью личного местоимения первого лица особенно значим, поскольку именно лирический субъект (наиболее есте-

ственная форма репрезентации которого – местоимение *я*) является центром формирования концепта «человек» в поэзии Бродского. Проанализировав сочетаемость репрезентатов данной группы (как явное обозначение лирического субъекта) с глаголами, относящимися к разным системам, можно заметить, что наибольшее количество глаголов, сочетающихся с местоимением *я* и характеризующих субъект, относится к системе физических действий человека. Без учета специфики выполняемых субъектом действий данный факт кажется естественным и не вызывающим сомнений относительно важности для определения специфики представления лирического субъекта. Значительную группу предикатов в указанных текстах составляют глаголы бытийной семантики: *я был, я жил* и др. Следующие по количеству употреблений – глаголы, относящиеся к системам восприятия, мышления, речи, затем – к эмоциональной системе, модальной системе и т. д. Подобные употребления являются важным фактором в определении специфики концепта «человек» в поэзии Бродского:

Так я думаю... Я<...> считаю с прожитой жизни сдачу... Замерзая, я вижу, как за моря солнце садится... Я увидел новые небеса и такую же землю... Я отвечал, лежа лицом к стене... Я пишу эти строки... [6].

Поскольку указанное употребление относится к числу самых объемных групп репрезентатов, можно сказать, что человек в поэзии И. Бродского – это, прежде всего, человек воспринимающий (видящий, слышащий), мыслящий и говорящий и в меньшей степени – чувствующий или желающий.

Формы групп *б* и *в* специализируются в художественной системе И. Бродского на репрезентации лирического героя в его отношениях и связях с внешним пространством (пейзажами, интерьерами помещений и т. д.). Образ человек здесь представлен с помощью лексем *глаз* и *мозг*. Лексемы этих групп способны представлять как лирического субъекта, так и его отдельные состояния:

Голова, как Сатурн, болью окружена ... Мозг бьется, как льдинка о край стакана и т. д. [6].

Однако использование таких способов представления человека ведет к созданию эффекта недифференцированности субъекта, человека и его состояний, как физических, так и психических, поскольку части, представляющие субъекта в целом, являются еще и локализаторами различных систем (*глаз* – восприятия, *голова* – мышления, при этом физиологические состояния боли, усталости локализованы в разных частях тела). В поэзии же И. Бродского лексемы *мозг, глаз, голова* являются также способом представления отдельных физиологических состояний.

При этом нужно отметить, что эффект, создаваемый подобным употреблением, дает возможность включить наблюдателя в контекст той или иной ситуации. Это оформлено поэтом и чисто синтаксически, включением в один ряд однородных членов, часть из которых представляют элементы внешнего мира, а часть – наблюдающего их человека. Указанное построение позволяет реализовать смысловую модель обезличенности, растворенности в окружающем пространстве (*глаз, сердце, мозг* лишены категории одушевленности и на этом основании как бы сближают лирического субъекта с неодушевленными предметами и вещами):

Пот катится по лицу... Фонари в конце улицы, точно пуговицы у растянутой на груди рубашки... Духота. Светофор мигает, глаз превращая в средство передвиженья по комнате к тумбочке с виски... Сердце замирает на время, но все-таки бьется [6].

При этом необходимо отметить одну особенность представления пространства в поэзии И. Бродского: часто реалии окружающего физического мира представлены в тексте антропоморфными метафорами, что создает в семантическом пространстве основания для сближения и взаимопроникновения семантических сфер «пространство» и «человек»:

Тело сыплет шаги на землю из мятых брюк... И деревья стоят, точно в очереди за мелкой осетриной волн [6].

В некоторых контекстах трудно провести четкую грань между функциями метонимии, представляющей лирического субъекта и описывающей отдельные его состояния:

Глаз, мигая, заглатывает, погружаясь в сырые ... Сумерки, как таблетки от памяти, фонари [7].

Ситуацию же, когда субъект бессознательно квалифицирует себя как сумму испытываемых им состояний, отождествляет себя с ними, можно обозначить как апатию, неспособность к борьбе или нежелание последней.

Модель включенности субъекта в неодушевленное пространство в чистом виде реализуется с помощью лексемы «тело» ввиду того, что она обладает обобщающей и интегративной спецификой.

Употребление местоимения первого лица, а также лексемы «тело» имеет очень важное значение. Проиллюстрировать смысловую разницу этих репрезентатов можно, в частности, обратившись к большому стихотворению «Колыбельная трескового мыса». В этом произведении весьма значимо построение глав: нечетные главы – это описание окружающего героя пространства (интерьер комнаты, городские пейзажи и др.), а четные – это повествование о том, как герой оказался в этом пространстве. Основным лейтмотивом здесь является отношение героя к государству, шире – к судьбе, к эмиграции. Интересно, что в главах, описывающих пространство, человек представлен метонимическими образованиями от лексемы *тело*. В четных же главах чрезвычайно активны формы личного местоимения. Причем предикат находится в тесной связи с субъектом (нет разделяющих синтаксических конструкций):

Я пишу из Империи... Я пересек черту... Я прошел сквозь строй янычар в зеленом... Я сменил империю [6].

Приведенные структуры акцентируют активную, жесткую, императивную позицию героя по отношению к государству.

Особенно показательным представляется тот факт, что активный залог используется И. Бродским в контекстах, где общеязыковая практика предписывает употребление пассивных конструкций:

его выслали (узуальное) – я сменил Империю; бросил страну, что меня вскормила;

его посадили (узуальное) – я входил вместо дикого зверя в клетку;

мне снится (узуальное) – я пустил в свои сны вороненый зрачок конвоя [6].

Отклонение от нормы в приведённых контекстах имеет концептуальное значение. Человек, предельно обезличиваясь на фоне ландшафта, пейзажа, любого пространства, уничижаясь на фоне городов Италии, по отношению к государству, режиму, власти большинства занимает крайне жесткую, индивидуально выделенную (местоимение *я* в ударной позиции) и даже агрессивную позицию (использование стилистически маркированной лексики при представлении государства и его институтов). В этом случае позиция человека активна, это позиция экзистенциалиста и стойка, который в любых обстоятельствах остается хозяином положения [9].

Та же позиция индивидуальной выделенности актуальна и для отношения человека к его прошлому, поскольку в качестве интегрального элемента постоянно выступает опять-таки местоимение *я*:

Я, хватаясь рукой за грудь, поодаль считаю с прожитой жизни сдачу... Прошло что-то около года. Я вернулся на место битвы... Я был скорее звуком, чем – стыдно сказать – лучом... Я не воздвиг уходящей к тучам каменной вещи для их остротки [6].

Тематика прошлой жизни и писательского творчества реализуется на фоне описания пространства в стихах, посвященных Риму. При этом в описании пространства остаются актуальными те же семантические модели обезличивания и бесстрастного наблюдения, реализуемые путем подстановки слов, явившихся результатом различных метонимий, в ряды однородных членов, описывающих пейзаж или окружающие героя интерьеры.

На ночь глядя, синий зрачок полощет Свой хрусталик слезой, доводя его до сверканья, И луна в головах точно пустая площадь. Без фонтана, но из того же камня [6].

Среди стихотворений из сборников «Часть речи» и «Урания» можно обнаружить интересные контексты, которые дают представление о человеке в художественной системе Бродского и играют важную роль в формировании концепта «человек». Это, прежде всего, высказывания декларативного характера, где в качестве субъекта действия или признака находится центральная лексема *человек*:

Человек выживает, как фини на песке ... Слезой скулу серебра, человек есть конец самого себя... Человек превращается в шорох пера по бумаге, в кольца, петли, клинышки букв... Человек приносит с собой тупик в любую точку пространства... Человек размышляет о собственной жизни, как ночь о лампе [6, 7].

Приведённые контексты служат основой для характеристики лирического героя и формирования концепта *человек*. И. Бродский представляет лирического героя в кругу сугубо личных впечатлений об окружающем его физическом пространстве, в пределах его размышлений о собственной жизни. Некоторые контексты с использованием лексемы *человек* призваны создать важный для И. Бродского эффект самоотстраненности:

Однако использование лексемы *человек* в грамматической функции подлежащего позволяет говорить о семантике своеобразной обобщенности, реализуемой в стихотворных текстах. Весьма показательно, что многие из них чисто стилистически призваны создать определенные ассоциации с трудами древних

философов и схоластов. Об этом свидетельствует такие синтаксические конструкции, членами которых являются лексемы, касающиеся метафизического строения Вселенной: *душа, время, жизнь, смерть* и др. Ср.:

Срок человеческой жизни – точка; естество – текуче; ощущения – темны, соединение целого тела – тленно; душа – волчок [10].

Это – ряд наблюдений. В углу – тепло, Взгляд оставляет на вещи след. Вода представляет собой стекло. Человек страшней, чем его скелет [6].

Или:

И вообще помни, что так мало пройдет времени, а уж и ты, и он умрете [10].

Помни, что прошлому не уложиться без остатка в памяти, что ему необходимо будущее. Твердо помни: только вода, и она одна, всегда и везде остается верной себе [6].

Приведенные примеры вполне могут свидетельствовать о том, что И. Бродский тяготеет к максимализму, свойственному мыслителям Античности и Средневековья, к созданию нового варианта мироздания. Поэт декларирует место человека в реконструированной им Вселенной и эксплицитно выражает отношение человека к таким важнейшим категориям, как *Время, Жизнь, Смерть* и др.

Таким образом, тематические области, связь с которыми обозначается как особо значимая для характеристики концепта «человек», являются магистральными лейтмотивами творчества Бродского, интерпретация которых в художественной системе Бродского выявляет его отношение к традиции. Представляя позицию человека относительно вышеупомянутых областей, можно достаточно полно охарактеризовать человека в художественной системе И. Бродского, построить модель взаимодействия человека с окружающим его миром и обществом. Эта же модель является очень важной для реконструкции концепта «человек». Многие исследователи и, прежде всего Ю.С. Степанов, определяют аспект отношения человека к миру и обществу как важнейший параметр концептуализации категории «человек» [1, с. 553].

Summary

E.A. Balalykina, D.S. Egorov. The concept “man” in Josef Brodsky’s poetry.

In this article the description of concept “man” in Josef Brodsky’s poetry is offered. There is an attempt to determine the specificity of functioning and representation of concepts in individual stile. There is special emphasis on designation the limits of conceptual area “man”, because anthropomorphism category is too vast and it is necessary to determine the aspects of the analysis. The description bases on finding of groups representats, their compatibility with predicates and connection of concept “man” with other concepts and thematic areas.

Литература

1. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 411 с.

3. *Воркачёв С.Г.* Концепт как «зонтиковый» термин // *Язык, сознание, коммуникация*. – М., 2003. – Вып. 24. – С. 5–12.
4. *Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В.* Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 239 с.
5. *Воркачёв С.Г.* Культурный концепт и значение // *Тр. Кубан. гос. технол. ун-та. Сер. Гуманитарные науки*. – Краснодар, 2003. – Т. 17, Вып. 2. – С. 268–276.
6. *Бродский И.А.* Стихотворения. Эссе. Серия «Зеркало – XX век». – Екатеринбург: У. Фактория, 2001. – 752 с.
7. *Бродский И.А.* Часть речи. – СПб.: Пушкинский фонд, 2000. – 120 с.
8. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Вопр. языкознания*. – 1995. – № 1. – С. 37–65.
9. *Полухина В.П.* «Я входил вместо дикого зверя» // Как работает стихотворение Бродского / Под ред. Л.В. Лосева, В.П. Полухиной. – М.: Новое лит. обозрение, 2002. – С. 133–158.
10. *Марк Аврелий.* Наедине с собой: Размышления. – Ростов н/Д: Книжн. изд-во, 1991. – 172 с.

Поступила в редакцию
14.06.06

Балалыкина Эмилия Агафоновна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.

E-mail: *Emilia.Balalykina@ksu.ru*

Егоров Дмитрий Сергеевич – магистрант кафедры современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.